

следует вместе с ним радоваться: если большая гибкость исследования покупается ценой отказа от поисков общих исторических закономерностей, — это слишком дорогая цена. Никакое жонглирование понятиями «модель», «вариации», «типология», «динамическая система», «процесс» и пр. — не заменит ответа на неизбежные, рождающиеся у каждого мыслящего человека, вопросы: каковы общие тенденции развития народов? каково основное его направление? какие общие закономерности управляют общественной жизнью людей? Только уяснив себе эти кардинальные вопросы, мы сумеем правильно понять и оценить и все специфические особенности развития каждого народа, все конкретно-историческое своеобразие каждого отдельного общества, его структуру, его систему ценностей.

Но ведь, чтобы правильно понять соотношение общего, особенного и отдельного, их взаимную неразрывную связь, — надо быть марксистом. А здесь перед нами — ученые с иным мировоззрением.

Этнографов младшего поколения в Англии сейчас, еще больше, чем представителей старшего поколения. Большинство их держится, несмотря на отдельные отклонения, за исходное понятие «структуры», стараясь при этом уловить динамику развития; большинство применяет, вопреки Личу, сравнительный метод исследования. Многие настаивают на признании большей самостоятельности за личностью, признании известной свободы индивидуального выбора (стр. 231—232). Например, с точки зрения Ван Вельсена, «структурная схема» сама по себе мертва, но она наполняется жизнью через деятельность (нормальную или отклоняющуюся от нормы) отдельных индивидов. Эти индивидуальные вариации и отклонения «должны рассматриваться, как закономерности иного порядка» (стр. 233).

Все больше значения придается долговременным полевым наблюдениям и пользованию письменными источниками, чтобы выявить динамику развития. Так, Тёрнер наблюдал жизнь одной общины в Замбии на протяжении 20 лет, а М. Дж. Смит проследил историю управления одной общины за 150 лет (1800—1950 гг.). Это то самое течение, которое в США в недавнее время получило название «этноистории».

Главный предмет интереса и главные темы исследований британских этнографов, по Ломбару, это организация власти и управления, «социальный контроль», конфликты, религиозные ритуалы как средство социального давления и пр. (стр. 236—238). Правда, в отношении религиозных ритуалов обнаруживается и иная тенденция — рассматривать обряд, как нечто самостоятельное, не подчиненное социальным целям и закономерностям. Эту новую тенденцию (мы ее уже видели у Эванс-Притчарда) — тенденцию «десоциологизации» религии Ломбар констатирует бесстрастно, не давая ей оценки (стр. 238—239); но с нашей точки зрения — это прискорбный шаг назад, шаг в направлении к фидеизму.

Зато появляются исследователи, ставящие новые темы и новые проблемы: например, влияние технического прогресса на трансформацию сельской общины; современное «многорасовое» общество; воздействие урбанизации и индустриализации на традиционные формы быта (стр. 240—241).

Характеризуя в целом британскую этнографию наших дней, Жак Ломбар констатирует, что, вопреки отдельным отклонениям, она осталась верна «эмпирической традиции обоих своих основателей» (стр. 242). И все-таки не все довольны преимущественно эмпирическим направлением исследований. Видя, что они не помогают объяснить главного — различий в социальном укладе и культуре народов, некоторые этнографы призывают теперь вернуться к более широким построениям Фрэзера, к сравнительному, психологическому и историческому методам. Но — так заканчивает свою книгу Ломбар — это критическое течение еще не дало никаких конструктивных, позитивных результатов (стр. 243).

Несмотря на свой небольшой объем, книга Ломбара неплохо ориентирует читателя в современных тенденциях и в нынешнем состоянии этнографической науки в Великобритании. Со многими его оценками — хотя и не со всеми — можно, как мы видели, согласиться.

С. А. Токарев

НАРОДЫ СССР

В. Ю. Крупянская, Н. С. Полищук. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). М., 1971, 288 стр.

История рабочего класса СССР — одна из важнейших проблем современной исторической науки. За последние 20 лет вышло немало книг и статей, посвященных истории формирования рабочего класса, изменению его социальной структуры в связи с различными этапами развития промышленности, революционному движению рабочих и т. п. Этнографы, изучающие рабочий класс, разрабатывают вопросы специфик быта

рабочих. Попытки выяснить специфику быта рабочих предпринимались и раньше, но в более или менее широких масштабах этнографическое изучение этого круга проблем началось только с 1950-х годов.

Одним из первых объектов этнографического изучения стали горнозаводские рабочие Урала (одного из старейших промышленных районов России). Горнозаводские рабочие уже в течение нескольких десятилетий привлекают внимание историков и этнографов во многих странах Европы — Чехословакии, Франции и др. Горнодобывающая промышленность Урала, развиваясь с XVIII в., имеет длительную и, вместе с тем, документально обозримую историю. Выбор Урала и горнозаводских рабочих в качестве объекта изучения интересен, так как горное дело — одна из наиболее старых отраслей промышленности, создавшая своеобразные производственные, культурно-бытовые и социальные традиции.

В семьях потомственных рабочих до сих пор сохраняются воспоминания о крепостных порядках на Демидовских заводах. Это дало возможность сочетать этнографическое обследование с изучением исторических документов (ревисских сказок, которые до сих пор не привлекались для исследования структуры семьи). Тщательная подготовка и предварительное изучение истории уральских горных заводов привели авторов к мысли сделать главным объектом изучения Нижне-Тагильский Демидовский завод, поскольку это одно из наиболее типичных уральских промышленных предприятий, а Нижний Тагил — один из типичных горнозаводских поселков, ныне превратившийся в индустриальный город всесоюзного масштаба.

Следует особенно подчеркнуть, что изучение культуры и быта рабочих Нижнего Тагила с самого начала задумывалось как комплексное исследование современного рабочего быта. Вышедшая книга свидетельствует о том, что эта задача понималась широко и методически правильно. Современность — результат истории. Эта истина имеет особый смысл, когда речь идет о сфере быта, всегда отличавшейся сложным и специфическим сочетанием традиций (возникших на разных этапах истории), которые изменяются в различном темпе и в различных формах в зависимости от конкретных социально-экономических, историко-культурных и этнических ситуаций.

В ходе исследования быта рабочих Урала в советское время авторы не могли не обратиться к материалам, характеризующим предыдущие этапы исторического развития рабочего быта, который совершенно не изучен. Так, этнографическое обследование рабочих Нижнего Тагила превратилось в двухтомную монографию, первый том которой рассматривается в настоящей рецензии, а второй готовится к изданию.

Этнографическое обследование быта горнозаводских рабочих Нижнего Тагила проводилось под руководством В. Ю. Крупнянской, с некоторыми перерывами с начала 50-х до конца 60-х годов. В течение этого времени собирались материалы, выяснялись и отрабатывались методические приемы изучения быта рабочих, обобщался опыт этнографического изучения рабочих в пределах всей страны. Целый ряд методических разработок, а также отдельных материалов по быту рабочих Урала публиковался в печати¹.

Вышедшая книга — первая в советской этнографии обобщающая монография по этнографическому исследованию быта уральских рабочих конца XIX — начала XX в. — имеет кроме конкретного и более широкое общее методическое и методологическое значение.

Авторы подходят к изучению быта рабочих исторически с учетом этнического, социального и религиозного аспектов, а также генетических связей рабочего быта с крестьянским.

Во введении к книге ставится задача «проследить пути развития культуры и быта рабочих в связи с особенностями формирования рабочих кадров Нижнего Тагила и общим ходом общественно-исторического процесса» и выявить роль этнических традиций (в частности, взаимодействия различных национальных культур) в процессе создания новых форм быта (стр. 7).

В последующих главах авторы показывают, как влияли на быт рабочих XIX — начала XX в. разнородность этнического состава, различия в вероисповедании и социальной структуре населения.

В книге дается подробная характеристика семьи, семейного и материального быта населения Нижнего Тагила, его общественной и культурной жизни, устно-поэтического репертуара нижнетагильских рабочих; попутно затрагиваются и некоторые другие вопросы.

Собственно этнографические главы предвараются исторической справкой о социально-экономическом развитии Нижнего Тагила, в заключении содержатся основные выводы о путях сложения и дальнейшего развития культуры рабочих Нижнего

¹ В. Ю. Крупнянская, Опыт этнографического изучения уральских рабочих второй половины XIX в., «Сов. этнография», 1953, № 1; е е же, Некоторые аспекты этнографического изучения рабочих, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XXIX, 1958; е е же; Вопросы этнографического изучения быта рабочих. «Этнографическое изучение быта рабочих», М., 1968; е е же; Эволюция семейно-бытового уклада рабочих, «Российский пролетариат: Облик, борьба гегемония», М., 1970; Н. С. Полищук, О некоторых новых чертах коллективного отдыха горняков и металлургов Нижнего Тагила, «Сов. этнография», 1963, № 4.

Тагила. В приложении публикуются интересные документы, извлеченные из архивов, и образцы фольклорных текстов, бытовавших в рабочей среде Нижнего Тагила в XIX — начале XX в.

В. И. Ленин отмечал специфику развития таких областей России, как Урал: «На святой Матушке-Руси много таких уголков, где точно вчера было крепостное право. Возьмите, например, Урал. Помещики имеют здесь десятки тысяч десятин земли. Заводы (т. е. те же помещики) запрещают кустарям развивать мелкую промышленность. Крестьяне до сих пор в зависимости от помещиков»². Замедленность некоторых процессов социального развития неизбежно должна была сказаться на бытовом укладе и бытовой культуре рабочих Урала, которые долгое время жили в условиях феодальных отношений. Упомянутая особенность находит объективное отражение в рецензируемой книге. Весь ее материал показывает определенную замкнутость, социальную иммобильность, движение как бы в замкнутом круге и другие характерные пережитки феодализма и противоречия в экономике и быту. Несмотря на значительный уровень развития капиталистических отношений, в рассматриваемом районе отчетливо видны «родимые пятна» феодализма, его глубинные следы. Здесь все свое, для своих заводов: воспроизводство рабочей силы и социального состава, свои профессиональные школы для детей своих работников, особое положение служащих (стр. 177) и т. п.

Как отмечается в работе, «основным источником пополнения кадровых рабочих оставалось местное горнозаводское население с характерной для него потомственностью профессий... Отсюда столь характерная у тагильских мастеровых живучесть сословных традиций, стремление сохранить за собой положение «особого сословия» с преимущественным правом на получение работ и т. п.» (стр. 19). Уверенность в своих привилегиях порождает протесты против передачи подрядов на работы пришлым подрядчикам и рабочим (стр. 18). Даже в начале XX в., в разгар рабочего движения, важное место в требованиях уральских рабочих по-прежнему занимал протест против использования труда «пришлых» рабочих³. Характерны в этом отношении и отмечаемые в книге противоречия в быту тагильчан. Они также наглядно свидетельствуют о переплетении капиталистических отношений с феодальными пережитками: промышленный многонаселенный заводской поселок и бытование сельской общины; работа на заводах и большое подсобное хозяйство, сочетание городских и сельских черт во многих сторонах бытовой культуры.

Показательно, что рабочий для обеспечения себя и своей семьи должен был сочетать работу на заводе с какими-либо другими сторонами заработка, а также содержать собственное хозяйство. Это последнее обстоятельство было настолько важно для бюджета рабочей семьи, что со специфическими нуждами подсобного хозяйства должны были считаться и заводы (отпуска рабочим на время сенокоса — «страды», повышенная зарплата работающим в этот период на заводах и т. д.).

В быту нижегородских рабочих отмечается много, как считают авторы, крестьянских или деревенских по своему происхождению и характеру черт. К ним относятся прежде всего наличие в хозяйстве домашнего скота и птицы (лошадей, коров, овец, кур), земли — под огородом, сенокосом, иногда пашен, собственный дом и стремление во что бы то ни стало жить в своем доме; заключение браков по воле родителей, широкое бытование религиозных праздников и др.

Сходны пути проникновения капиталистических отношений в среду рабочих Урала и в деревню. Ростовщичество подрядчиков можно рассматривать как своего рода аналог определенным формам развития капитализма в крестьянской среде (ростовщичество кулаков).

Во то же время в быту рабочих обнаруживаются элементы, не свойственные крестьянам и возникшие под влиянием городских условий жизни. То обстоятельство, что ряд таких черт связан с внутренней стороной жизни семей или родственных коллективов (свадьба, ритуальная одежда, проведение досуга), само по себе свидетельствует об известной глубине подобных влияний. Так, например, при заключении браков, отсутствует предварительная договоренность о приданом, и вообще его роль незначительна. В состав приданого обязательно входят такие городские предметы одежды, как «визитное» платье и капот; подвенечный наряд невесты состоит из длинного платья со шлейфом и вуали с цветами. В свадебном угощении получили распространение жаркое, крем, желе, торты; появился такой новый для традиционной свадьбы элемент, как «танцевальные вечера» (стр. 76).

В рабочих семьях стали праздновать именины, больше внимания уделять досугу детей, причем заимствовались некоторые городские формы детского досуга; елки для детей в семьях высококвалифицированных рабочих, популярность «гигантских» качелей, катание на коньках (как детей, так и взрослых).

Тяга тагильчан к образованию, любовь к чтению и пению тесно связаны с социальной, классовой природой горнозаводских рабочих, но, может быть, в какой-то степени эти черты имеют свои истоки и в традиционном старообрядческом быту.

² В. И. Ленин, Полн. собр., соч., т. 23, стр. 373.

³ Т. К. Гуськова, Облик рабочих Урала, в кн.: «Российский пролетариат», стр. 305.

В быту рабочих авторы выявили многие архаические черты, описание или даже упоминание некоторых из них осуществлено в этнографической литературе впервые. Это прежде всего относится к комплексу женских объединений трудового («помочи» при копке гряд, рубке капусты) и особенно ритуального характера: женские «поседки» (из родственниц и соседок) в послесвадебный период, посещение рожицы соседками (отмеченное в некоторых других местах в старообрядческой среде). Представляет интерес, хотя, к сожалению, не объясняется исторически, «овеществление» некоторых обрядовых представлений и в связи с этим особая служебная и символическая роль ложки на крестинах и поминках; опускание в могилу присутствующими на погребении носовых платков — «последняя разлука» и др.

Выявлено много нового в устройстве жилища и усадьбы (дом с заделом, подсарайная), в одежде, пище рабочих. Все эти материалы несомненно войдут в научный оборот.

Авторы ограничили себя определенным кругом, правда, существенных вопросов. Одна из особенностей книги — органическое включение в состав монографии фольклорной главы, причем фольклор рассматривается на широком фоне других явлений и форм духовной культуры (автор этих глав — Н. С. Полищук). Если вспомнить о подобных главах в книге «Кубанские станицы», то можно сказать, что последние годы успешно формируется новый жанр фольклористического исследования, тесно связанный с этнографической проблематикой.

И все же ряд черт культуры и быта нижнетагильских рабочих не нашел отражения в книге. К сожалению, осталась почти не исследованной производственная жизнь горнозаводских рабочих (в этнографическом аспекте), неясна продолжительность рабочего возраста мужчин на производстве, есть сведения лишь о начале трудовой деятельности в 12—15 лет; не показано также, какие орудия (помимо лопаты) применялись при обработке огородных и полевых участков, кто и как выращивал садовые ягоды — интенсивную культуру, требующую определенных навыков и знаний.

Остановимся вкратце на некоторых других недочетах книги (возможно, некоторые из них связаны с многоплановостью исследования и сравнительно небольшим объемом книги).

Авторы много раз напоминают читателям о неоднородности исследованного ими собственно русского населения (православные и кержаки). В то же время описание свадьбы, например, ведется недифференцированно, говорится лишь о различии в подвенечном наряде невесты у разных групп; при описании обрядов похорон также речь идет лишь об отличии в одежде и надмогильных крестах. Одинаков ли остальной обряд у всех групп, или описание относится только к православным — остается неясным.

На стр. 64 говорится, что солидарность и более равноправные взаимоотношения в семье определяются тем, что работают все члены семьи и каждый имеет свои заработки. Но ведь и в крестьянском хозяйстве работают все члены семьи. Видимо, важна не только материальная сторона, но и наличие элементов пролетарской идеологии с ее идеей равенства и женского равноправия.

Некоторые формулировки нечетки. Например, говорится о складывании новых форм быта нижнетагильского пролетариата, «все более сближающегося с бытовым укладом городских сословий» (стр. 126). Но ведь и нижнетагильский пролетариат — тоже городское сословие, несмотря на то, что Тагил формально не считался в дореволюционное время городом.

Неясно, что значит «городской» или «чисто городской» интерьер (см. стр. 126: «Под влиянием мелкобуржуазных сословий складывается чисто городской интерьер»): характерный для мелкобуржуазных сословий или какой-то иной? Кроме того, о «чисто городском» интерьере говорится слишком категорично. Большое хозяйство способствовало сохранению многих черт деревенского интерьера, и главной из них — массивной русской печи. Многие описанные детали интерьера, например, мебель (столы, стулья, диваны), были характерны и для сибирской деревни конца XIX в.

Есть повторы, особенно при описании обрядности и пищи. В разделах о жилище, пище, общественной жизни; устно-поэтическом репертуаре не говорится о старообрядческих традициях. Следует ли понимать, что к концу XIX в. они уже не имели значения?

Можно отметить и некоторые мелкие погрешности. При описаниях применяются и старые (аршин, сажень) и новые (метр, сантиметр) меры длины. На стр. 84 упоминается «белый кисель из муки» и только на стр. 141 уточняется, что его делали из осянной муки. Катание на лошадях (стр. 152) чрезвычайно характерно и для деревни (например, севернорусской), и поэтому нет основания говорить о нем как о явлении городского.

В заключение следует еще раз сказать, что книга несомненно удалась в главном — читатель получает представление о многих бытовых сторонах жизни различных слоев тагильских рабочих. И в данном случае «регионализм» очень существен, поскольку он объясняется чисто историческими причинами.

Книга В. Ю. Крупянской и Н. С. Полищука «Культура и быт рабочих горнозаводского Урала» — событие в разветвляющемся этнографическом изучении рабочих. Характерно, что большинство недостатков или неточностей, о которых мы говорили, касается проблемы соотношения рабочего быта и быта других слоев городского на-

селения. Нам представляется это поучительным, так как еще раз напоминает о слабой изученности этнографических вопросов, связанных с бытом городского населения России в XIX — начале XX в., не говоря уже о более ранних периодах. Сказанное относится и к малым и к большим городам. До сих пор в работах по этнографии сельского населения и этнографии рабочих приходится оперировать весьма общими представлениями о городском быте, городских формах бытовой культуры (и материальной и духовной), городских влияниях, городских чертах и особенностях и т. д. и т. п. Специфика «городских форм», их формирование, общность и локальные различия в значительной мере остаются неизвестными. Авторы рецензируемой книги, разумеется, не могли решить все эти вопросы даже в локальном; не говоря уж об общероссийском плане. Поэтому гораздо существеннее другое: книга В. Ю. Крупицкой и Н. С. Полищук — первое в советской и, шире, в современной марксистской этнографии фундаментальное и разностороннее исследование исторических проблем этнографии рабочих. Можно не сомневаться в том, что читатели будут с нетерпением ожидать выхода в свет второго тома исследования, посвященного советскому периоду.

Л. М. Сабурова

Л. Ф. Моногарова. Преобразования в быту и культуре припамирских народностей. М., 1972, 174 стр.

Вышедшее из печати в канун празднования 50-летия образования СССР исследование Л. Ф. Моногаровой (ответственный редактор Н. А. Кисляков) построено на богатом фактическом материале. Книга наглядно демонстрирует успехи, которых добились некогда экономически отсталые и культурно обособленные припамирские народности в ходе социалистического строительства при братской помощи других народов Советского Союза. Каждый, кто побывал на Советском Памире в последние годы, увидел, какие огромные преобразования произошли в материальной и духовной культуре припамирских народностей. Тем большую ценность для этнографической науки приобретает изучение исчезающих древних обрядов, обычаев и вообще всех характерных особенностей прежнего быта и культуры припамирских народностей. Можно утверждать, что с этой точки зрения исследование Л. Ф. Моногаровой написано весьма удачно, так как все изменения в быту и культуре припамирцев прослежены на широком историческом фоне, что помогает лучше осмыслить происходящие преобразования и создает достаточно глубокую историческую перспективу развития материальной культуры, семейных отношений и этнических процессов в Советском Припамирье.

Рецензируемая работа посвящена ираноязычным народностям Советского Западного Памира: шугнанцам, рушанцам, язгулемцам, ваханцам, ишкашимцам и др.

Исследование построено на основе 1) полевых материалов автора и использования им некоторых полевых записей Ф. Д. Люшкевича и Л. А. Булановой; 2) этнографической и исторической литературы по Припамирью и смежным областям; 3) материалов из архивов различных советских учреждений, в том числе из учреждений Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР (архивов загсов, статистических управлений, сельских советов).

Во «Введении» (стр. 5—18) дается краткая физико-географическая характеристика района исследования, перечисляются все припамирские народности с указанием мест их расселения. Возражение может вызвать лишь указание области, населенной таджикоязычными горонцами. Так, Л. Ф. Моногарова пишет, что горонцы живут «от кишлака Даршай до кишлака Хасхараг — границы с шугнанцами» (стр. 13). В действительности, самым верхним горонским селением в верховьях Пянджа является Баршор¹. Выше Баршора живут ишкашимцы и ваханцы, а немногочисленные таджикоязычные вкрапления в их среде, как целые селения, так и отдельные семьи, отличаются от горонцев и особенностями говора, и спецификой быта.

В этом разделе приводятся также материалы, свидетельствующие о былой географической изолированности и труднодоступности Западного Памира, послуживших одной из причин экономической отсталости и своеобразия этнического и исторического развития припамирских народностей.

В первом разделе рецензируемой книги (стр. 19—50) содержится краткий исторический очерк Западного Памира от глубокой древности до образования Горно-Бадахшанской автономной области (1925 г.), основанный на изучении исторической и специальной археологической литературы с привлечением и некоторых местных легенд и преданий, записанных автором. Этот краткий очерк позволяет читателю-неспециалисту получить достаточно полное представление об истории края.

¹ А. Н. Болдырев, Бадахшанский фольклор, «Советское Востоковедение», V, Л., 1948, стр. 278—279; А. З. Розенфельд, Бадахшанские говоры таджикского языка, Л., 1971, стр. 38.